

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/58/11

В.А. Суровцев, К.А. Габрусенко

О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ *TO LEKTON* В ФИЛОСОФИИ СТОИКОВ И *SINN* В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ Г. ФРЕГЕ: ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

*Проводится сравнительный анализ категории стоиков *to lekton* и категории Г. Фреге *Sinn*. Эксплицируются некоторые формальные черты этих категорий, которые демонстрируют сходство логико-семантических теорий стоиков и Г. Фреге. Показано, что некоторые семантические аспекты функционирования *to lekton* и *Sinn* позволяют уточнить, какую роль они играют в установлении логических взаимосвязей знания и получения выводов.*

Ключевые слова: логика стоиков, *to lekton*, Г. Фреге, *Sinn*, семантическая теория, *axiōta*, *Gedanke*, компаративные исследования, античная и современная логика.

В литературе неоднократно отмечался структурный параллелизм между семантической теорией стоиков и некоторыми современными теориями в рамках логической семантики (см., например, [1, 2]). Это сравнение затрагивало в основном те семантические теории, которые в отношении наименования наряду со знаком и обозначаемым им объектом включали третий элемент, имеющий интенциональный характер, поскольку считалось, что отношение знака к обозначаемому объекту опосредован некоторым смыслом, т.е. способом, которым объект представлен в знаке. Наиболее часто такому компаративному анализу подвергалась теория смысла Г. Фреге, аналогия которой с логической теорией стоиков казалась наиболее наглядной (см., например, [3, 4]).

Аналогия затрагивала различные аспекты теорий стоиков и Г. Фреге относительно трактовки ими категорий *to lekton* и *Sinn* соответственно. Однако несмотря на то что в рамках структурных характеристик отношения наименования *to lekton* и *Sinn* выполняют похожие функции и в принципе можно говорить о формальном сходстве этих категорий, они имеют совершенно разный онтологический и эпистемологический статусы. Онтологическое различие связано с тем, что *to lekton* не существует вне связи с постигающим представлением субъекта того обозначаемого, которое выражено в знаке, тогда как *Sinn* имеет независимое от субъекта существование и образует область объективных смыслов, с которой субъект связан с помощью особой познавательной способности *Auffassung* (схватывание) [5]. Немаловажным являются и эпистемологические различия. У стоиков *to lekton* – это структурный элемент не только отношения наименования, но и в более общем смысле элемент познавательного отношения к миру, так как непосредственно связан с постигающим представлением. Совершенно не то обнаруживается у Г. Фреге, который все эпистемологические вопросы выводит за рамки логи-

¹ Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (№ 18-18-00057).

ческой семантики, будучи сторонником того взгляда, что собственно формальная логика не имеет отношения к особенностям протекания субъективных познавательных процессов [6].

Тем не менее аналогия приводит и к замечательным сходствам, касающимся прежде всего понимания логико-грамматических конструкций, анализ которых и Стойки и Г. Фреге проводят не на основании априорного конструирования основных элементов действительности, представленных в рамках познавательного процесса, а опираясь, в общем-то, на ресурсы естественного языка и речи [7]. Действительно, во главу угла при анализе форм осуществления мышления Стойки ставят не различие между тем, что существует само по себе, и тем, что существует как привходящее, что свойственно логике Аристотеля, но различие между грамматическими формами, представленными в языке и речи [8]. То же самое относится и к построениям Г. Фреге, который всегда начинает с анализа того, каким образом, например, грамматические субъект и предикат в том виде, в котором они представлены в языке и речи, сказываются на способах анализа логической формы. Однако сходства подобного рода не следует преувеличивать.

Логико-грамматический анализ, который приводит к видимости сходства форм, в которых представлен смысл, еще ничего не говорит о том, что собственно логические взаимосвязи, имеющие место между этими формами, понимаются одинаково. Какого именно рода взаимосвязи подразумеваются, когда говорят, что одна грамматическая форма логически связана с другой, проблема немаловажная, поскольку хотя с точки зрения чисто формального представления эти взаимосвязи могут выглядеть одинаково, смысл, который в них вкладывается, зачастую совершенно различный. Поэтому вопрос о том, какую роль играет *to lekton* у Стоиков и *Sinn* у Г. Фреге в чисто логических построениях и их интерпретации, является крайне интересным.

Различие логико-грамматического и собственно логического анализа здесь вполне соответствует тому различию, которое в традиционной логике со времен схоластики закрепилось в виде выделения двух основных разделов логики, а именно учения о логических элементах и учения о доказательстве. Наиболее отчетливую форму это различие получило в известном трактате А. Арно и П. Николя «Логика, или Искусство мыслить» [9]. Суть этого различия основана, прежде всего, на том, что логика как особая теоретическая дисциплина, связанная с анализом рассуждения, должна ориентироваться не на содержание знания, т.е. на то, о чем собственно рассуждение, а на то, каким образом это рассуждение осуществляется. Материальное содержание знания для логического исследования значения не имеет, поскольку сама возможность рассуждения зависит только от тех форм, в которых это знание выражено. В этом отношении первая основная задача логики понимается как задача выявления и систематизации различных форм, в которых представлено содержание. Однако когда речь идет о возможности получения одного знания из другого или обоснования или опровержения одного знания другим, сама по себе систематизация форм представления знаний оказывается недостаточной.

Логика – это анализ процесса рассуждения. Но если логика понимается как исследование того, что не связано с содержанием знаний, но только с тем, что обусловлено его формой, то и логические взаимосвязи знания должны

соотноситься только с формой представления знаний. Анализ процесса рассуждения в этом случае основывается исключительно на особенностях логико-грамматических форм, а собственно логический анализ ориентируется на выявление нормативной базы связи знаний, которая отталкивается только от особенностей формы их представления. Логический анализ процесса рассуждения, связанный с возможностью получения одного знания из другого и его обоснованностью, образует второй раздел логики, исследующий доказательность того, каким образом одна форма представления знаний может достоверно преобразовываться в другую или получаться из этой другой формы. В этом отношении вторая основная задача логики сводится к выявлению и систематизации нормативной базы, определяющей возможность или невозможность связи логических форм, т.е. к учению о доказательстве. Два раздела традиционной логики, безусловно, связаны, поскольку если считается, что логический вывод не зависит от содержания, т.е. от того, о чем рассуждение, но только от формы, в которой выражено знание, то отсюда следует, что и сама возможность выявления грамматической формы служит основанием анализа возможности логического вывода одного знания из другого.

Подобного рода подход вполне уместен. Действительно, если есть исходное знание, и оно выражено в определенной форме, то получение другого знания с точки зрения логики, которая ориентируется только на способ рассуждения, должно зависеть как раз от этой формы, а не от чего-то другого. Такое понимание собственно логического исследования можно найти во всех трактовках, опирающихся на представление о том, что логические взаимосвязи основаны на особенностях формы представления знаний, а логический вывод, собственно, никакого отношения к содержанию рассуждения не имеет. Подобного рода подход присутствует практически во всех трактатах XVIII в., касающихся логики, и в большинстве работ XIX в. Интересно, что такое понимание формальной логики лежит в основании философских построений. Например, оно имеет важное значение в различении И. Кантом аналитических и синтетических суждений, с одной стороны, и априорных и апостериорных суждений – с другой. Такое членение формальной логики нетрудно обнаружить и в современных учебниках по логике, ориентированных на ее традиционный вариант.

Однако в подходе традиционной логики есть один важный момент, который основывает собственно логическое исследование на определенных онтологических предпосылках, поскольку само учение о логических элементах во многом связано, благодаря Аристотелю, с категориями сущности и привходящего, в соответствии с которыми в качестве основных логических элементов выделяются понятия, построенные из понятий суждения и, наконец, построенные из суждений умозаключения. Не то обнаруживается в подходе стоиков и Г. Фреге, что и роднит эти концепции в наибольшей степени. Их построения ориентированы не на онтологические предпосылки, но отталкиваются, прежде всего, от анализа языка и речи, а стало быть, выделяемые ими формы и структура логического вывода ориентированы не на анализ предзаданной действительности, а на то, каким образом действительность выражена в языке. Однако это сходство не должно скрывать того факта, что стоики и Г. Фреге совершенно по-разному понимают то, о какого рода взаимосвязях идет речь, когда мы говорим о доказательстве. Поскольку анализ здесь начи-

нается с исследования языка и речи, а отношение наименования, которое играет важную роль, представлено как трехчленная структура (знак – смысл – обозначаемое), само понимание логических взаимосвязей, независимо от того, что они могут быть представлены сугубо формально, затрагивают интенциональный элемент в отношении наименования. Здесь важным становится вопрос, что именно отражает этот интенциональный элемент и с чем он связан? А это уже зависит от того, как понимается его онтологический и эпистемологический статус.

Следует отметить, что логика, развиваемая Г. Фреге в существенных моментах, отличается от логической теории, развиваемой стоиками. Функциональный подход к анализу простых высказываний у стоиков фактически отсутствует, и об аналогии можно говорить только на уровне сложных высказываний. В случае простых высказываний логика стоиков, видимо, не идет дальше силлогистики Аристотеля. Но та часть, которую современная логическая теория относит к логике высказываний, вполне сопоставима, и именно она рассматривается историками логики как предвосхищение того, что сделал Г. Фреге (см., например, [10, 11]). Во всяком случае, у стоиков уже было представление о логических союзах, связывающих простые высказывания (конъюнкция, дизъюнкция, импликация), истинностных значениях и функциональных отношениях, которые определяют истинностные значения сложных высказываний в зависимости от того, каким образом из них образуются сложные высказывания.

Тем не менее понимание того, что выражают логические взаимосвязи в рамках смыслового отношения знака к обозначаемому у Г. Фреге и стоиков, остается различным. Для понимания этого различия остановимся лишь на той части их семантических теорий, которые затрагивают то, что стоики называли полный *lekton* или *axiōma* (высказываемое) как разновидность *to lekton*, и *Gedanke* (мысль) как разновидности *Sinn* у Г. Фреге. Для этого есть основания, поскольку, как уже указывалось выше, функциональной логики предикатов у стоиков не обнаруживается, и поэтому речь может идти только о сравнении функциональной логики высказываний. Но полный *lekton*, как и *Gedanke*, соответствует как раз целостным высказываниям, имеющим истинностное значение. И то и другое, по сути, определяются как носители истины и лжи, поскольку именно посредством этих интенциональных компонентов отношения наименования, собственно, и возникают понятия истинности или ложности. Здесь, конечно, имеются существенные различия, поскольку в теории стоиков истина и ложь возникают тогда, когда полный *lekton* связывает предложение посредством постигающего представления с наглядной действительностью. Г. Фреге же развивает номинативную теорию предложений, где сами повествовательные предложения являются именами истинностных значений, а *Gedanke* или мысль – способом представленности истины и лжи в предложении или способом, которым предложение указывает на них. Отметим также, что Истина и Ложь в этом случае выступают в качестве абстрактных объектов, чего нет у стоиков. Но дело здесь даже не в этих различиях.

При определении понимания характера логических взаимосвязей логико-грамматических форм основную роль играет значение онтологического статуса интенциональных сущностей. Какой онтологический статус Г. Фреге приписывает мысли как содержанию повествовательных предложений?

Определяющим для Г. Фреге при установлении онтологического статуса интенциональных сущностей типа *Sinn* вообще и *Gedanke* в частности является то, что они образуют совокупность объективного знания. Только ввиду объективности подобного рода знания, выраженного в языке, можно говорить о его истинности или ложности, поскольку последние не являются характеристикой содержания индивидуальной ментальной жизни. Например, представления, имеющие субъективный характер, не могут характеризоваться как истинные или ложные, поскольку они могут меняться от одного человека к другому. То же, что признается за истину, не является достоянием одного, а должно принадлежать всем.

Г. Фреге развивает определенную разновидность лингвистического платонизма, приписывая смыслу языковых выражений некоторую разновидность объективного существования. В частности, он утверждает: «Следует признать третью область. То, что относится к этой области, соответствует представлениям в том отношении, что не может быть воспринято чувствами, а вещам – в том отношении, что не требует носителя, сознанию которого принадлежит. Так, например, мысль (*Gedanke*), которую мы выражаем в теореме Пифагора, является истинной безотносительно ко времени, истинной независимо от того, считает ли кто-нибудь ее истинной. Она не нуждается в носителе. Она является истинной отнюдь не только с момента ее открытия, но подобна планете, которая, даже и не будучи еще обнаруженной кем-либо, находится во взаимодействии с другими планетами» [12. С. 42]. В этом утверждении Г. Фреге, помимо того, что он считает знание, характеризующееся как истинное или ложное, независимым от познавательных способностей человека, есть еще один очень важный момент, который, быть может, выражен несколько метафорически. Говоря о взаимодействии планет при указании на объективность мысли, Г. Фреге считает, что и сами мысли находятся в отношениях, которые не определяются индивидуальной мыслительной деятельностью, но столь же объективны, как и сами мысли. Объективный мир смыслов имеет структуру, и эта структура определяет архитектонику истинного и ложного знания. Причем эта архитектоника не связана ни с характером организации наших познавательных способностей ввиду своей независимости от таковых, ни с организацией окружающего нас мира вещей ввиду отличия статуса области смыслов от природы действительности.

Рассмотрим, каким образом Г. Фреге трактует логические взаимосвязи, ограничиваясь тем разделом логики, который относится к характеру функционирования логических союзов, с помощью которых из простых мыслей (*Gedanke*) образуются сложные мысли (*Gedankengefüge*). Этот раздел наиболее точно в формальном отношении соответствует тому, как трактовали стоики логические взаимосвязи в рамках полного *lekton* или *axiōma*. В языковом отношении в работе [13] Г. Фреге ориентируется на способы связи сложных предложений, представленные различного рода союзами, образующими из простых предложений сложные. Акцент на способах языкового выражения сложных предложений не должен скрывать здесь того факта, что анализ ориентирован, прежде всего, на то, что выражается, т.е. на мысль. Сами по себе предложения есть только внешний способ выражения мысли и не должны скрывать того, что принадлежит именно логическим взаимосвязям мысли. Языковые союзы, приспособленные для образования сложных предложений из

простых, только указывают на способ логической связи, который не является собственно языковым, но также относится к области объективной мысли.

Отметим, что здесь речь не идет о сложноподчиненных предложениях, поскольку, с точки зрения Г. Фреге, придаточные предложения не выражают полную мысль, которая может быть истинной или ложной. В расчет принимаются только те способы языкового выражения связи смысла, каждая часть которой сама является мыслью, т.е. может быть истинной или ложной. В этом отношении придаточные предложения не выражают полную мысль, логические взаимосвязи здесь хотя и имеют место, но они имеют несколько иную природу, чем выражение взаимосвязи того, что Г. Фреге называет сложной мыслью (*Gedankengefüge*). Он объясняет это следующим образом: «Грамматике известны такие предложения, которые логика не может признать за подлинные предложения, поскольку они не выражают мысли. Это иллюстрируется придаточными предложениями, так как мы не можем сказать точно, на какое предполагаемое относительное местоимение указывает придаточное предложение, обособленное от своего главного предложения. Такое предложение не содержит смысла, истинность которого можно было бы установить; другими словами, смысл обособленного придаточного предложения не является мыслью» [13. С. 75]. Таким образом, в языковом отношении Г. Фреге обращает внимание именно на те сложные предложения, частями которых являются подлинные (*eigentliche*) предложения, которые для своей осмысленности не нуждаются ни в каком дополнении.

Вопрос о логических взаимосвязях, таким образом, затрагивает только такие сложные предложения, осмысленные части которых являются подлинными (т.е. не требующими дополнения для понимания их полного смысла) предложениями. Простейшим примером такого типа сложных предложений является выражение, в котором два простых предложения объединены, например, союзами ‘... и ...’, ‘... или ...’, ‘если ..., то ...’. Проблема, однако, заключается в следующем. Простые предложения выражают мысль, истинную или ложную, сложные предложения, состоящие из простых, также выражают мысль. Но с чем связан способ их связи? Какого рода отношения он выражает? Относятся ли они к конструкциям собственно языка или указывают на описываемые в языке отношения в рамках окружающей нас действительности?

Очевидно, что ответ на эти вопросы зависит от того, что понимается под сложной мыслью. Сложные предложения выражают сложную мысль, но что, собственно, за этим скрывается? Г. Фреге, определяя сложную мысль, говорит следующее: «Под сложной мыслью я буду понимать такую мысль, которая состоит из мыслей, но не только из них. Поскольку мысль является полной и насыщенной, для того чтобы существовать, она не нуждается в дополнении. Поэтому мысли не сливались бы в единое целое, если бы они не объединялись чем-то таким, что не является мыслью. Мы можем предположить, что это связующее является ненасыщенным. Сложная мысль сама должна быть мыслью, то есть чем-то таким, что является истинным или ложным (третьего не дано)» [13. С. 75]. Полная мысль, выраженная в подлинном предложении, соединяясь с другой подлинной мыслью, выраженной в другом предложении, образует новую подлинную мысль. Но сама по себе их взаимосвязь не может быть полной, поскольку, если бы она была бы полной, она

была бы мыслью и выражалась в некотором предложении. Но связи предложений сами по себе не являются предложениями. В этом отношении они являются неполными. Такие союзы, как 'и', 'или', 'если, то' в языковом отношении есть лишь способ связи предложений, и как таковые они не выражают собственного смысла. Связи, используемые при образовании сложных предложений, отражают нечто в связи мыслей, но сами мыслями не являются.

Для Г. Фреге здесь важнейшим понятием является понятие неполного или ненасыщенного (*ungessattigten*) выражения. Языковые союзы, с помощью которых из простых предложений образуются сложные, сами по себе не обладают никаким значением, они обретают свой смысл, только выступая в качестве связи других языковых выражений. Их ненасыщенность определяется именно тем, что они приобретают свое значение только будучи соединенными с чем-то другим. Подобного рода ненасыщенность связана не только с союзами, которые связывают два подлинных простых предложения, она затрагивает уже те языковые выражения, которые связаны с отрицанием. Само по себе отрицание, например, состоит как минимум из отрицающего выражения и из того, что отрицается. И если предложение, в котором выражено отрицаемое, является предложением, то само отрицание является лишь неполным или ненасыщенным выражением, требующим для своего осмысления как раз того предложения, которое отрицается. Отрицательные выражения, будучи выраженными префиксным выражением типа 'неверно, что ...' или отрицательным союзом перед глаголом в предложении, которое считается простым, не имеют собственного значения в том смысле, в котором собственное значение имеет выражение, которому оно придано. Подобного рода выражения указывают лишь на неверность той мысли, которая выражена в отрицаемом предложении.

Об отрицании Г. Фреге говорит, например, следующее: «Мысль для своего существования не нуждается в дополнении, она самодостаточна. В сравнении с этим отрицание требует дополнения мыслью. Обе составные части, если употреблять эти выражения, совершенно разнородны и совершенно различным образом способствуют образованию целого. Одно дополняет; другое дополняется. И посредством этого дополнения целое сохраняется в единстве. Чтобы потребность в дополнении сделать различимой и в языковом отношении, можно написать „отрицание того, что...“. При этом пропуск после 'что' указывает, куда следует поместить дополняющее. Ведь дополнению в области мыслей и частей мыслей соответствует нечто подобное в области предложений и частей предложений» [14. С. 69]. Неполнота или ненасыщенность языковых выражений, в которых представлена мысль, уже на примере анализа отрицательных выражений требует того, чтобы эта особенность была объяснена на уровне мысли. Неполнота языковых выражений, связывающих подлинные предложения, должна быть объяснена на уровне мыслей, которые связываются в некоторое целое, выраженное в этих языковых выражениях.

Это целое должно объясняться не просто на уровне предложения или его отрицания, оно должно охватывать целостность того, что представлено в языке, включая связи, касающиеся не просто отрицания предложения, но и связи нескольких предложений. Связь нескольких предложений в отличие от отрицания Г. Фреге видит в том, что их неполнота или ненасыщенность свя-

зана с тем, что дополнения требует не выражение, относящееся к одному предложению, но выражение, связывающее два предложения. В этом отношении префиксное выражение 'отрицание того, что ...' отличается от связи двух предложений только наличием двух ненасыщенных мест. Объединяя два предложения, мы можем, например, использовать выражения '... и ...', '... или ...', 'если ..., то ...'. Главное в том, что эти выражения являются ненасыщенными (*ungessattigten*) и требуют для своего понимания заполнения той части, которая отмечена точками, где отточия обозначают законченную мысль.

Сложные мысли у Г. Фреге рассматриваются как составленные из простых, которые могут быть выражены в разных логико-грамматических формах. В частности, он пишет: «Если мы будем рассматривать мысли как составленные из простых частей и, в свою очередь, считать, что они соответствуют простым частям предложений, мы сможем понять, каким образом несколько частей предложений могут образовывать огромное количество предложений, которым, в свою очередь, соответствует огромное количество мыслей. Но тогда возникает вопрос о том, как конструируется мысль и как ее части соединяются таким образом, что целое в итоге представляет собой нечто большее, нежели части, взятые сами по себе» [13. С. 74]. Ответ на этот вопрос заключается в том, что связи мыслей, сами будучи неполными, а значит, не имеющими собственного значения, выполняют роль образования общего осмысленного целого из осмысленных же частей. Они не имеют собственного значения, но служат для того, чтобы организовать целое, состоящее из частей: «Благодаря тому, что мысль насыщает (*sattigt*) ненасыщенную часть или, как еще можно сказать, дополняет часть, нуждающуюся в дополнении, имеет место спаянность целого» [13. С. 74].

Мысль, составляющая содержание объективного знания, важна не только сама по себе. Важны также и те связи, которые объективные мысли связывают между собой, что позволяет рассматривать знание не просто как разнородный набор истинных или ложных сведений, но как организованную целостность, архитектура которой определяется связями столь же объективными, как и сама мысль. И хотя для Г. Фреге «в логическом вообще соединение в целое всегда привходит через насыщение того, что ненасыщенно» [13. С. 74], эти связи имеют характер столь же объективный, что и сама мысль. Но объективный – не в том смысле, в котором объективными связями наделен мир окружающих нас вещей, но в том, в котором объективной является третья область, область знания, выраженная в языке. Мысль (*Gedanke*) для Г. Фреге – это все-таки объективное образование. Пусть даже и выраженное посредством языка. Истинность и ложность – это не свойство языковых выражений. Это абстрактные предметы независимой реальности, пусть она и имеет несколько необычный характер, с которой связаны мысли, выраженные в предложениях. И это представлено в его своеобразном лингвистическом и логическом платонизме.

Также и логика не является наукой о субъективных психических процессах, ее предмет не сводится к анализу структуры содержания индивидуального сознания. Г. Фреге, например, утверждает: «Выражение 'законы мысли' вызывает соблазн предположить, что эти законы управляют мышлением тем же самым способом, каким законы природы управляют событиями во внеш-

нем мире. В этом случае они были бы не чем иным, как законами психологии: поскольку мышление есть душевный процесс. И если бы логика была связана с этими психологическими законами, она была бы частью психологии» [15. S. XVI]. Последнее же совершенно недопустимо, поскольку «если быть истинным независимо от быть признанным за истинное тем или другим человеком, тогда законы истины не являются психологическими законами» [15. S. XVI]. Логика изучает архитектонику объективной области смыслов, существующих до и независимо от человека. В этом отношении логика не сводима ни к психологии, ни к любой другой науке. Ее искусственный язык описывает структурные взаимосвязи, столь же независимые, как и представленное в них содержание. Архитектоника языка логики есть образ архитектоники объективной области смыслов.

Область смыслов не является простой совокупностью разрозненных содержаний, а представляет собой систематическую связь истин. Дело логики состоит в прояснении этой систематической связи и представлении ее в дедуктивной форме. Так называемые законы логики есть не что иное, как предписания, управляющие процедурой вывода одной мысли из другой. То, что представляет логика, есть не что иное, как законы дедукции, оправдывающие возможность логического вывода. Логический вывод при этом характеризует только область объективного знания, не зависящего ни от окружающего мира вещей, ни от познавательных способностей человека.

Вывод одного знания из другого, если они признаются истинными, не зависит от индивидуальных психических способностей, даже если таковые и применяются. Знания связаны между собой объективно в том смысле, что *Gedanke*, из которых образуются *Gedankengefüge*, т.е. составные мысли из простых, тоже являются мыслями. В этом отношении область мысли замкнута, поскольку результат любой операции, выраженный языковыми союзами и отражающий ненасыщенность в сфере смыслов, сам относится к сфере смыслов. Операции тогда рассматриваются как то, что принадлежит самой области смыслов и не является результатом деятельности сознания. Архитектоника знания, образующая связь объективных мыслей, может только открываться или схватываться (*Auffassung*) в процессе выражения знания в языке. Будучи объективными, такого рода связи между мыслями все-таки отличаются и от того, что рассматривается как отношения между событиями окружающего нас мира. Мир объективных, окружающих нас вещей – это не мир мыслей о вещах. Отношения в мире вещей отличаются от отношений в мире мыслей. Мир мыслей подчинен законам логики, регулирующим соотношения форм организации знаний, тогда как мир вещей связан с законами, управляющими природой.

В понимании Г. Фреге того, что представляет собой логическая взаимосвязь, таким образом, можно выделить следующие моменты:

1. Мысль (*Gedanke*), в рамках которой устанавливаются логические взаимоотношения, является объективным образованием, независимым от индивидуального психического действия, в качестве которого выступало бы представление, связанное с действительностью вещей. Мысль является особой сущностью, отличной от представлений, поскольку в силу своей объективности она может оцениваться как истинная или ложная. Объективность мысли отличается от объективности вещей окружающего нас мира, поскольку их

взаимосвязь отличается от взаимосвязи мыслей. Так, например, взаимосвязь вещей не может быть истинной или ложной.

2. Сложная мысль (*Gedankengefüge*) принадлежит той же области, что и простая мысль. Все преобразования простой мысли в сложную включаются в ту же самую систему, что и простые. Сложные и простые мысли образуют единую систему знания, содержательно объемлющую то, что выражено в рамках языка простыми и сложными предложениями. Сложные предложения, помимо простых, включают способы связи. Но эти связи есть лишь выражение того, что уже должно быть в области мысли.

3. Способам связи предложений в области мысли соответствует то, что является неполным или ненасыщенным (*ungessattigten*). Но именно этот элемент позволяет из простого образовывать сложное. Сам этот элемент не принадлежит только способам языкового выражения. Точно так же он не принадлежит миру объективных вещей. Он относится к сфере смыслов, как и сами мысли. Будучи объективным, он выражен в языке, но как таковой принадлежит не языку, но области мысли. Этот элемент связан с формами организации мысли и, основываясь на особенностях этих форм, позволяет получать одну форму из другой.

4. Собственно логика связана с исследованием именно этого элемента. Логическое относится к тому, что касается формы выражения знаний. Однако сама логико-грамматическая форма значима не сама по себе, но только в том отношении, в котором она быть может связана с другой логико-грамматической формой. Логико-грамматические формы, будучи выражены в языке, значимы не сами по себе, но лишь в той мере, в которой они выражают собственные взаимосвязи.

5. Если логику понимать надлежащим образом, то она оказывается наукой о тех взаимосвязях, которые касаются области объективных смыслов. При этом то, что исследует логика, затрагивает объективные взаимосвязи, образующие конструкцию или архитектуру знания, которая никаким образом не зависит как от познавательных способностей человека, так и от того, что познается. Содержание собственно познания никакого отношения к логическому выводу не имеет, поскольку сам вывод основан только на формальных структурах представления знаний.

6. Законы логики в этом случае являются нормативной базой, регулирующей то, что должно быть выражено в качестве логических взаимосвязей мыслей, представленных в той объективной области, которая относится не к совокупности субъективных представлений и не к мыслимой реальности, где вещи связаны особым, присущим им способом, но к области смыслов, где определяются способы связи, ненасыщенные сами по себе, но образующие целостную мысль при дополнении того, что в языковом выражении изначально казалось неполным или допускающим дополнения.

Можем ли мы найти такие представления о логической связи у стоиков? Можно ли сказать, что в логике стоиков аналогичным образом понимается связь полных *lekton* или *axiōta* с точки зрения того, что считать логической организацией знания? Ответ, конечно, отрицательный. Главное здесь заключается в том, что для стоиков важным было отношение не просто в рамках области смысла, но то, каким образом смысл языковых выражений соотносится с наличной действительностью.

На первый взгляд, однако, аналогия между стоиками и Г. Фреге в данном отношении кажется достаточно явной. Это связано с двумя моментами. В первых, стоики, как и Г. Фреге, очевидно отмечают, что в языковом отношении можно совершенно отчетливо выделить взаимосвязи между теми логико-грамматическими категориями, которые образуют собой полный *lekton* или *axiōma* (высказываемое). Например, Диоген Лаэртский по этому поводу сообщает: «Из высказываний одни простые, другие – не простые... Простые – те, которые состоят из неповторяющегося высказывания. Непростые – те, которые состоят либо из повторяющегося высказывания, либо из различных высказываний» [17. С. 113]. То же самое относится и к отрицательным высказываниям: «Простые высказывания бывают отрицательные», и выражается отрицание также в языке, поскольку отрицание «состоит из привативной частицы и возможного высказывания» [17. С. 114]. Здесь вполне можно подразумевать то, что Г. Фреге имеет в виду под связями мысли (*Gedankengefüge*). И действительно, если учесть, что *axiōma* суть то, что может быть истинным или ложным, а истинность и ложность часто приписывается именно предложениям, т.е. особому типу звучащей или написанной речи, то и особым образом связанным или написанным элементам речи можно приписать истинность или ложность. Скажем, выражение ‘если ..., то ...’ в рамках речи вполне может рассматриваться как грамматическая связь двух выражений, смыслом которых является полный *lekton* или *axiōma*. Однако и сам результат связи выражает полный *lekton* или *axiōma* и поэтому также может рассматриваться как истинный или ложный. В этом случае возникает то, что в языковой грамматике обозначается как сложные предложения, состоящие из предложений, имеющих собственный смысл, т.е. из того, что может быть истинным или ложным, независимо от той части, дополнением которой они могут быть. То есть из языковых выражений образуется нечто такое, что в свою очередь также образует полный *lekton* или *axiōma*.

Во-вторых, сходство обнаруживается в том, что выражения этой связи хотя и принадлежат языку, но при этом они не являются лишь грамматическими образованиями. Выражения, например, условной связи между языковыми выражениями не относятся к уровню речи, но отражают отношения того, что выражается в речи. При этом могут использоваться различные языковые выражения, но сам способ связи не меняется. Осмысленные элементы речи, которые могут оцениваться как истинные или ложные, в свою очередь соединяются в элементы речи, которые также осмысливаются как истинные или ложные. Само это осмысление хотя и выражается в речи, но речью не является, поскольку отражает взаимосвязи, которые относятся не просто к уровню звучащих или написанных знаков. Таким образом, так же, как и у Г. Фреге, эти связи не являются просто связями языка, но отражают то, что выражается в языке и речи. Из осмысленного простого образуется сложное, столь же осмысленное, как и простое. Так, в речи как угодно можно выражать условную связь одного с другим, используя аналоги выражения ‘если ..., то ...’, но само по себе выражение условной связи зависит не от речи, но от того, что в ней выражается. Подобным образом можно интерпретировать и подход стоиков к отображению связей, имеющих место в сложном выражении, объединяющем то, что образует сложную мысль. Например, так может тракто-

ваться важный для стоиков термин *'synēmmenon'*, обозначающий условную связь предложений, когда говорят, что способ выражения должен быть только таким, чтобы в нем прослеживалась условная связь, вне зависимости от языкового выражения, поскольку она «удовлетворительна, как общее рассмотрение всех условных высказываний» [11. Р. 135]. Языковые выражения, к примеру отражающие условные связи в форме «если ..., то ...», таким образом, указывают только на те связи, которые к речи не относятся, но лишь выражают то, что выходит за рамки отношений между озвученными или написанными знаками. Сама речь, выражающая такие связи, не является тем, что относится к области смыслов.

Вот здесь и возникает главный вопрос. Речь и зафиксированные на бумаге знаки есть лишь внешнее выражения того, что связывается. Связываемое образует содержание того, что выражено в языке и в этом отношении, поскольку результат связывания смыслов не относится только к речи, а принадлежит области смыслов, важно решить, что же представляют собой эти связи? Чему они тогда принадлежат? Если подобного рода связи не являются лишь языковыми оборотами, необходимо установить их онтологический и эпистемологический статус. Ни *Gedankengefüge* (сложная мысль) у Г. Фреге, ни *synēmmenon* (способы условной связи) у стоиков не относятся только к уровню выражения мысли. У Г. Фреге ответ понятен: эти связи относятся к объективной и независимой как от сознания, так и от вещей внешнего мира области, области смыслов. Но можно ли тоже самое сказать о концепции смысла у стоиков?

Заканчиваются указанные выше сходства. Все дело в том, каким образом трактуется у стоиков роль области смыслов в эпистемологическом отношении. Смысл у стоиков есть то, что связывает наличную действительность через посредство каталептического представления, т.е. представления, которое наиболее точно отражает то, что есть, со способом выражения [6]. Здесь вполне можно согласиться с утверждением, что «'лектон' есть констатирующий, или корреспондирующий, смысл, который указывает на денотат, раскрывает его значение, но не оказывает на него никакого воздействия. ... Стоики (как впоследствии Витгенштейн) были убеждены, что языковые средства выражения адекватны описываемой реальности и логическое высказывание должно полностью соответствовать определенной ситуации как некоторой структуре фактов» [16. С. 72].

Результат связывания смыслов принадлежит области смыслов, но лишь постольку, поскольку сами смыслы посредством постигающего представления связаны с действительностью. Но сама эта связь не является сугубо грамматической. Точно также она не является просто связью смыслов. Она отражается в области смыслов через каталептическое (постигающее) представление, но относится к наличной действительности, которая и представлена посредством смысла в языковых выражениях, т.е. в речи или написанных на бумаге знаках. В этом отношении *Sinn* в общем, и *Gedanke*, включая *Gedankengefüge*, в частности у Г. Фреге совершенно отличаются от того, что в понимании стоиков представляют собой связи, выраженные посредством *synēmmenon* (различных типов условной связи, которые в языке представляют различные типы связи того, чем является *axiōma*), того, что отражает речь или знаки, зафиксированные на бумаге.

Эти связи касаются не грамматических конструкций и не того, что в этих конструкциях выражено. Они прежде всего и по преимуществу относятся к наличной действительности, но не к тому, каким образом эта наличная действительность может быть выражена, пусть и посредством языка. Согласимся здесь со следующим утверждением: «Термин *synēmmenon* обозначает то, что составлено из *axiōta*, и это как раз говорит о том, что он обозначает составное положение дел. Более того, это составное положение дел обозначается приписыванием отношения следования между положениями дел, которые являются частями составной *axiōta*. Стоики подразумевают, что при рассмотрении вывода можно получить знание, что некоторый особый вид события или положения дел следует из некоторого другого события или положения дел» [18. Р. 423].

События, но не смыслы связываются в логике стоиков. И это действительно отличает то, что может быть связано. Одно дело, когда связываются языковые выражения, другое дело, когда связываются выраженные в языке смыслы, но и совсем другое дело, когда связываются положения дел, считающиеся действительностью. Действительность здесь понимается совсем не так, как она понимается у Г. Фреге, полагающего, что логические взаимосвязи относятся исключительно к области смыслов, к третьей области, области нашего знания. Стоики, видимо, подразумевают совсем другое. Логические взаимосвязи отражают то, что присуще реальности, выраженной в языке. Реальность может по-разному пониматься, но то, что она выразима и каким-то образом представлена посредством языка, сомнения не вызывает.

Действительность логических взаимосвязей, о которых идет речь у Г. Фреге, соотносящего эти взаимосвязи с областью независимых как от субъекта познания, так и от предмета познания особой реальности, нельзя однозначным образом соотнести с тем, что сказано об области смыслов, выраженных в языке и речи. Соотнести это можно только с тем, что в данном случае считается семантической теорией стоиков. Имеется в виду та ее часть, которая может быть в той или иной степени соотнесена с теорией *Sinn* и *Gedanke*, а также *Gedankengefüge* у Г. Фреге. Что здесь можно соотнести? Понимания стоиками области смыслов совсем не соотносятся с тем, что под этим понимает Г. Фреге. Область смыслов у Г. Фреге никоим образом не согласуется с тем, что подразумевается в философии стоиков. Связи в третьей области, области смыслов у Г. Фреге, никак не соответствуют тому, что под связью, грамматически выраженной сложными предложениями, понимают стоики. Если у Г. Фреге речь идет о связи в рамках области смыслов, которая понимается как особая реальность, то стоики предпочитают рассматривать такого рода связи как относящиеся к наличной действительности. Когда речь идет о *synēmmenon*, имеются в виду те взаимосвязи, которые касаются наличной действительности. Но не просто то, что может выражаться посредством речи, не только то, что видимо и слышимо в языковых выражениях. Видимое и слышимое, конечно, относятся к уровню языка. То, что выражается посредством видимого и слышимого, также относится к уровню языка в том отношении, в котором язык выражает некоторый смысл (*lekton* или *axiōma*), оцениваемый как истинный или ложный. Однако именно наличная действительность у стоиков определяет то, что считать истинным или ложным.

Общий взгляд на логические взаимосвязи у стоиков можно предварительно выразить следующим образом:

1. Логико-грамматические формы у стоиков связаны с особым пониманием эпистемологического статуса *lekton* в общем и с эпистемологическим статусом *axiōma* в частности, которые через постигающее представление связывают знаки с наличной действительностью. В этом отношении трактуется истина и ложь как определенная связь знаков, выраженных в языке посредством речи, с действительностью. Истина и ложь в данном случае касается исключительно языковых выражений, которые организованы в рамках системы знаний.

2. Взаимосвязи в области смыслов (*lekton* и *axiōma*), выраженные в языке и речи, есть средство, позволяющее через постигающее представление выразить взаимосвязи, характеризующие отношения в рамках наличной действительности. Логико-грамматические формы отражают не взаимосвязи в области объективного знания, которое может быть истинным или ложным, но отношения в рамках самой действительности. При этом логика рассматривается не как форма организации знаний, но как форма организации действительных отношений между событиями в области самой наличной действительности.

3. Условная связь ‘если ..., то ...’, например, выражает не отношения в рамках объективного знания, как это имеет место у Г. Фреге, где условие, представляющее собой определенного рода знание, связывается с другим знанием, являющимся следствием первого и эта связь основана на особенностях грамматической формы условия и следствия. У стоиков эта связь отражает отношения между событиями в рамках самой наличной действительности. И, конечно же, речь здесь совсем не идет о том, что, как получается у Г. Фреге, у которого *Sinn* вообще и *Gedanke* и *Gedankengefüge* в частности есть способ данности истинностного значения предложений и соотношения предложений. У стоиков же речь идет о взаимосвязях в рамках наличной действительности. Условные связи касаются не взаимодействия в области объективных смыслов, но отношений в окружающей нас реальности.

Особенно рельефно различие между Г. Фреге и стоиками проявляется в трактовке логического правила вывода *modus ponens*, который представлен у Г. Фреге в его своеобразном понимании того, как должны записываться смыслы, выражения и взаимосвязи смыслов. В работе *Begriffsschrift* [19] в виде схемы они представлены необычным, но достаточно понятным, выраженным в двухмерной записи способом. Понятность записи зависит только от того, каким образом трактуется способ вывода одного знания из другого. Совсем иначе, однако, трактуется то, что считается у стоиков так называемой основной *аксиомой* [18. Р. 468]. Но это уже совсем другая тема.

Литература

1. *Mates B.* Stoic Logic. Berkeley and Los Angeles, 1961.
2. *Graeser A.* The Stoic theory of meanings // *The Stoics* / ed. J.M. Rist. Berkeley : University of California Press, 1978. С. 77–100.
3. *Суровцев В.А.* О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге // *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 2015. № 9.2. С. 241–252.
4. *Нехаев А.В.* Логико-семиотические аспекты учения стоиков // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 2011. № 14 (109), вып.17. С. 180–187.

5. Суровцев В.А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге: Вопрос об их онтологическом статусе // *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 2016. № 10.2. С. 422–440.

6. Суровцев В.А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге: Вопрос об их эпистемологическом статусе // *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 2018. № 12.2. С. 499–522.

7. Суровцев В.А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге: Логико-грамматический аспект // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 113–125.

8. Frede M. Principles of Stoic Grammar // *Essays in Ancient Philosophy*. University of Minnesota. 1987. С. 301–337.

9. Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. М.: Наука, 1991.

10. Котарбинский Т. Лекции по истории логики. Биробиджан, 2000.

11. Kneale W., Kneale M. Development of Logic. Clarendon Press. Oxford, 1978.

12. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Логико-философские труды. Новосибирск: Сиб. ун-е изд-во, 2008. С. 28–54.

13. Фреге Г. Логические исследования. Часть третья: Сложная мысль // Логико-философские труды. Новосибирск: Сиб. ун-е изд-во, 2008. С. 74–95.

14. Фреге Г. Отрицание: логическое исследование // Логико-философские труды. Новосибирск: Сиб. ун-е изд-во, 2008. С. 54–75.

15. Frege G. Grundgesetze der Arithmetik, begriffsschriftlich abgeleitet. Jena, 1893. Bd. 1.

16. Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М.: АО КАМИ ГРУП, 1995.

17. Фрагменты ранних стоиков. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1999. Т. II, ч. 1.

18. O'Toole R.R., Jennings R.E. The Megarians and the Stoics // Handbook of the History of Logic / ed. D.M. Gabbay and J. Woods. Elsevier, 2004. Vol. 1. P. 397–522.

19. Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000.

Valeriy A. Surovtsev, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk Russian Federation).

E-mail: surovtssev1964@mail.ru

Kirill A. Gabrusenko, Tomsk State University (Tomsk Russian Federation).

E-mail: koder@mail.tsu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 58. pp. 105–120.

DOI: 10.17223/1998863X/58/11

TO LEKTON IN STOIC PHILOSOPHY AND SINN IN GOTTLob FREGE'S SEMANTIC THEORY: THE LOGICAL ASPECT

Keywords: stoic logic; *to lekton*; Gottlob Frege; *Sinn*, semantic theory; *axiōma*; *Gedanke*; comparative studies; ancient and contemporary logic.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00057.

The article compares the Stoic category '*to lekton*' and Gottlob Frege's category '*Sinn*'. It explicates some of these categories' formal features, which demonstrate the similarity between the Stoic and Frege's logical and semantic theories. The article shows that some semantic features of functioning of the Stoic '*to lekton*' and Frege's '*Sinn*' allow revealing the role they play in establishing the logical interconnections of knowledge and inference making.

References

1. Mates, B. (1961) *Stoic Logic*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
2. Graeser, A. (1978) The Stoic theory of meanings. In: Rist, J.M. (ed.) *The Stoics*. Berkeley: University of California Press. pp. 77–100.
3. Surovtsev, V.A. (2015) *To Lekton in Stoic philosophy and Sinn in G.Frege's semantic theory: The question of their relationship*. *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 9(2). pp. 241–252. (In Russian).
4. Nekhaev, A.V. (2011) *Logiko-semioticheskie aspekty ucheniya stoikov* [Logical-semiotic aspects of the Stoic doctrine]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 14(109). Vyp.17. pp. 180–187.

5. Surovtsev, V.A. (2016) To lektonin Stoic Philosophy and Sinnin G. Frege's Semantic Theory: the question of their relationship: the question of their ontological status. *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 10(2). pp. 422–440. (In Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2016.10.2952
6. Surovtsev, V.A. (2018) To lekton in Stoic philosophy and Sinn in G. Frege's semantic theory: the question of their epistemological status. *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 12(2). pp. 499–522. (In Russian).
7. Surovtsev, V.A. (2019) To Lekton in Stoic Philosophy and Sinn in Gottlob Frege's Semantic Theory: A Logical and Grammatical Aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 52. pp. 113–125. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/52/12
8. Frede, M. (1987) *Essays in Ancient Philosophy*. University of Minesota. pp. 301–337.
9. Arnauld, A. & Nicole, P. (1991) *Logika, ili Iskusstvo myslit'* [Logic, or the Art of Thinking]. Translated from French. Moscow: Nauka.
10. Kotarbiński, T. (2000) *Lektsii po istorii logiki* [Lectures on the history of logic]. Translated from Polish by M.M. Gurenko. Birobidzhan: [s.n.].
11. Kneale, W. & Kneale, M. (1978) *Development of Logic*. Oxford: Clarendon Press.
12. Frege, G. (2008a) *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and Philosophical Works]. Translated from German. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo. pp. 28–54.
13. Frege, G. (2008b) *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and Philosophical Works]. Translated from German. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo. pp. 74–95.
14. Frege, G. (2008c) *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and Philosophical Works]. Translated from German. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo. pp. 54–75.
15. Frege, G. (1893) *Grundgesetze der Arithmetik, begriffsschriftlich abgeleitet*. Vol. 1. Jena: [s.n.].
16. Stolyarov, A.A. (1995) *Stoya i stoitsizm* [Stoa and Stoicism]. Moscow: AO KAMI GRUP.
17. Stolyarov, A.A. (ed.) (1999) *Fragmenty rannikh stoikov* [Fragments of the Early Stoics]. Vol. 2(1). Moscow: Yu.A. Shichalin's Greco-Latin Cabinet.
18. O'Toole, R.R. & Jennings, R.E. (2004) The Megarians and the Stoics. In: Gabbay, D.M. & Woods, J. (eds) *Handbook of the History of Logic*. Vol. 1. Elsevier. pp. 397–522.
19. Frege, G. (2000) *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and Logical Semantics]. Translated from German. Moscow: Aspekt Press.